

Munich Personal RePEc Archive

From institutions to extitutions to the post-institutional theory of institutional anomalies

Frolov, Daniil

Volgograd State Technical University

12 July 2019

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/95960/>

MPRA Paper No. 95960, posted 11 Sep 2019 17:35 UTC

От институтов к экститутам и далее – к постинституциональной теории институциональных аномалий

Д. П. Фролов

Волгоградский государственный технический университет

Аннотация

В работе предлагается отказаться от односторонне негативной трактовки институциональных аномалий (неоптимальных, неэффективных, дисфункциональных институтов) и переосмыслить их как основные продукты и формы проявления институциональной сложности. Вводится понятие экституты – выходящих за границы институтов моделей социального порядка, базирующихся на вариациях норм. Экститутационная трактовка природы институциональных аномалий позволяет критически пересмотреть традиционно связанные с ними дихотомии (в частности, противопоставление эталонных и дисфункциональных, инклюзивных и экстрактивных институтов), аналитические подходы (функционалистский, механистический, изоляционистский, статичный и др.) и стереотипы (в том числе оценку институтов с позиций общественных интересов, «презумпцию виновности» групп влияния, стигматизацию гибридных траекторий институционального развития и т.д.). Обосновывается комплекс концептуальных сдвигов в сторону повышения объективности и реалистичности анализа институциональных аномалий в русле исследовательской программы постинституционализма.

Ключевые слова: институты; экституты; неэффективные институты; институциональные ловушки; дисфункции институтов; институциональная сложность; институциональные аномалии; постинституционализм.

JEL: A14, B41, B52.

From institutions to extitutions to the post-institutional theory of institutional anomalies

D. P. Frolov

Volgograd State Technical University

Abstract

The paper proposes to abandon the one-sidedly negative interpretation of institutional anomalies (non-optimal, inefficient, dysfunctional institutions) and rethink them as the main products and manifestations of institutional complexity. The concept of extitutions is introduced, which are understood as models of social order that go beyond the bounds of institutions and are based on variations of norms. The extitutional interpretation of the nature of institutional anomalies allows a critical review of the traditionally associated dichotomies (e.g. opposition of ideal and dysfunctional, inclusive and extractive institutions), analytical approaches (functionalist, mechanistic, isolationist, static, etc.) and stereotypes (e.g. assessment of institutions from the standpoint of public interests, “presumption of guilt” of interest groups, stigmatization of hybrid institutional trajectories, etc.). The article proposed a set of conceptual shifts towards increasing the objectivity and realism of the analysis of institutional anomalies in line with the research program of post-institutionalism.

Keywords: institutions; extitutions; inefficient institutions; institutional traps; institutional failures; institutional complexity; institutional anomalies; post-institutionalism

JEL: A14, B41, B52.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-010-00832).

Введение

В оставшейся почти незамеченной статье (Mauskapf & Zajac, 2013) рассматривалось слабо изученное явление институциональных диссонансов, связанное с рассогласованием институтов, которые функциональны сами по себе, но несовместимы друг с другом из-за разного типа их внутренних логик. Такого рода диссонансы трактуются как постоянный побочный продукт институциональной сложности¹. Эта идея, по нашему мнению, нуждается в гораздо более серьезной концептуализации. Современный мейнстримный институционализм продолжает изучать неоптимальные, слабые, дефектные, неэффективные, деструктивные и, в целом, *плохие институты*² без учета роста институциональной сложности, что привело к доминированию дисфункционального мышления (*failure thinking*). При этом предполагается, что у институтов есть некое идеальное (оптимальное, эталонное, нормальное) состояние, от которого они в силу разных причин

¹ Заметим, что М. Маускапф и Э. Заяц исследовали институциональные диссонансы лишь в микроаналитической плоскости, тестируя свою концепцию на примере истории Нью-Йоркского филармонического оркестра. Идея диссонансов применительно к мезоуровню экономики развивается в работе (Кирдина-Чэндлер, 2017).

² Плохие институты (*bad institutions*) – собирательный оценочный термин, широко распространенный в современной институционалистской литературе: его используют, в частности, Д. Асемоглу, Дж. Робинсон, К. Санстейн и др.

могут устойчиво отклоняться и эти отклонения расцениваются исключительно негативно (Schmidt, 2018). Напротив, фокусировка на роли нередуцируемой институциональной сложности в возникновении, распространении и росте разнообразия таких отклонений – *институциональных аномалий*³ – позволяет преодолеть многочисленные стереотипы в этой области знаний и перейти к построению более системной, реалистичной и объективной теории, альтернативной доминирующему институциональному дискурсу. Причем альтернативной в такой степени, что ее с полным основанием можно считать *постинституциональной теорией* институциональных аномалий, по своим базовым принципам диаметрально противоположной неоинституциональному мейнстриму.

Вопрос о природе и причинах неэффективности экономических институтов – самый древний и сакраментальный для институционализма. Поиск ответа на него занимались все основатели и пророки этого влиятельнейшего научного направления. Так, Т. Веблен подверг обстоятельной критике демонстративное потребление (и другие атрибуты) праздного класса и абсентеистскую собственность. Дж. Коммонс показал негативные следствия свободного рынка и роль «видимой руки суда». У. Гамильтон и Дж. Кларк привлекли внимание к необходимости социального контроля над тяготеющими к монополизации крупными корпорациями. Р. Коуз обнаружил первопричину всех институциональных проблем в положительных трансакционных издержках, к которым О. Уильямсон позднее добавил оппортунизм, а Д. Норт акцентировал роль генерируемых институциональной матрицей негативных стимулов. Теоретики начала XXI века видят корень зла в доминировании порядков ограниченного доступа и экстрактивных / эксплуататорских институтов⁴ (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011; Аджемоглу, Робинсон, 2015).

И если институциональные диссонансы попали в поле зрения исследователей совсем недавно, то многие негативные формы, эффекты и модели изменений институтов изучены достаточно детально. Существует обширная литература (причем не только институционалистской направленности), посвященная провалам, несовершенствам и дефектам рынка (Bator, 1958; Cohen & Winn, 2007; Nelson, 2017)⁵, а также провалам и коллапсу государства / правительства (Khan, 1995; Baker & Ausink, 1996; Tullock, Seldon & Brady, 2002; Carment, 2003; Börzel & Risse, 2016). Фактически все эти работы продолжают линию дисфункционального

³ Преимуществом данного термина не в последнюю очередь является его «незанятость», т.е. отсутствие исторически сложившихся коннотаций. Первая (она же и одна из последних) статья, специально посвященная институциональным аномалиям, по сути описывала провалы отдельных сегментов арт-рынка (Santagata, 1995).

⁴ В оригинале речь идет именно об эксплуататорских (exploitative) институтах.

⁵ Здесь и далее в обзоре приводятся только избранные работы, выражающие (по субъективному мнению автора) те теоретические позиции, которые получили наибольшее распространение среди ученых в каждом конкретном сегменте исследований.

анализа, основы которого были заложены в теории бюрократических дисфункций (Merton, 1957) и который – чаще неявно – используется как в теории трансакционных издержек, так и в целом в новой институциональной экономике (Baudry & Chassagnon, 2010; Сухарев, 2014). Безусловно, следует упомянуть резонансные работы в области дисфункций трансплантированных институтов (Johnson & Lundvall, 1992; Полтерович, 2001; De Jong, Lalenis & Mamadouh, 2002) и институциональных ловушек (Полтерович, 1999; Gradstein, 2008; Polterovich, 2018), к которым вплотную примыкают исследования институциональных и межинституциональных разрывов (Rahman et al., 2017), институционального вакуума (Beaumont & Harris, 1994; Bassi, 2016; Gatete & Dabat, 2017), нечеткости институтов (Балацкий, 2007; Townsend & Hart, 2008; Mahoney & Thelen, 2010) и их нецелевого использования, в том числе подчинения и манипулирования (Polishchuk, 2012). В значительной степени близка к этой проблематике и сложившаяся под влиянием идей М. Олсона о коалициях и поиске ренты (Olson, 1982) концепция захвата государства (Hellman, Jones & Kaufmann, 2003; Klimina, 2009; Воробьев, 2012; Chipkin, Swilling et al., 2018). Отметим исследования связи плохих институтов и «ресурсного проклятия» (Mehlum, Moene & Torvik, 2006; Ross, 2015), а также собственно «институционального проклятия» (Menaldo, 2016). Отдельную область образует анализ институциональных аномалий эволюционного типа, в частности, многочисленных форм проявления эффекта path dependence (David, 2007; Magnusson & Ottosson, 2009; Schreyögg & Sydow, 2010; Dobusch & Kapeller, 2013) и его наиболее деструктивной версии – эффекта блокировки / замыкания (David, 1985; Arthur, 1989; Liebowitz & Margolis, 2014).

Итак, теория институциональных аномалий де-факто существует, хотя и обычно не воспринимается как некое целостное исследовательское поле. В подавляющем большинстве работы, посвященные перечисленным и многим другим такого же рода явлениям, носят узкоспециализированный и преимущественно эмпирический характер. Попытки создания интегративных теоретических рамок трудно признать успешными. Но главной проблемой остается одностороннее, категоричное, исключительно негативное отношение к институциональным аномалиям. В результате объективный всесторонний подход подменяется субъективными оценочными позициями, особенно очевидными в свете размытых критериев оценки. Это явно не идет на пользу системному изучению институциональных аномалий, поэтому начать следует с их переопределения.

Нормоцентричная парадигма: от девиаций – к вариациям, от институтов – к экститутам

Экономисты слишком долго, со времен «Экономической таблицы» Ф. Кенэ, дистанцировались от медицины и это не пошло на пользу развитию теоретических представлений о нормах и, особенно, об аномалиях. В медицинской науке сложились два парадигмальных подхода к пониманию

здоровья – нозоцентричный и нормоцентричный. Если в первом случае болезнь рассматривается как патологическое отклонение от нормального состояния (McHorney, 2000: 350), то во втором – как форма проявления индивидуальной траектории здоровья (Henly, Wyman & Gaugler, 2011). Другими словами, если в нозоцентричной парадигме болезнь (греч. *nosos*) – это *девиация*, отклонение от нормы, то в нормоцентричной – это *вариация* нормы⁶. В институциональной экономике и институциональной науке в целом⁷ тотально возобладала нозоцентричная парадигма.

Наша статья – *манифест в защиту нормоцентричного подхода* к анализу институциональных аномалий и призыв к необходимости его активного применения во всех областях институциональных исследований.

Нормоцентричный подход восходит к «Никомаховой этике» Аристотеля, подчеркивавшего, что «врач рассматривает здоровье не так, [т.е. не вообще], а с точки зрения здоровья человека и, скорее даже, здоровья “вот этого” человека, ибо он врачует каждого в отдельности» (Аристотель, 1983: 62). Парадоксально, но в XXI веке эта мысль становится невероятно актуальной. Согласно передовым медицинским представлениям, диагностика должна выходить за узкие рамки идентификации болезней на основе средних значений показателей здоровья, преодолевая исторически ставший мейнстримом нозоцентричный подход (Laín-Entralgo, 1982), и формировать комплексное «понимание того, что происходит с телом и разумом личности, требующей лечения» (Mezzich et al., 2016: 141), ставя ее уникальность во главу угла.

Один из крупнейших теоретиков медицинских норм и патологий, научный руководитель М. Фуко, французский философ Ж. Кангильем (1904-1995) придерживался разграничения понятий нормальности (*normality*) и нормативности (*normativity*), которое вообще не используется в институционалистской литературе. В своем фундаментальном труде «Нормальное и патологическое» (1966) под нормальностью он понимал соответствие нормам здоровья в их статистическом смысле (усредненным показателям), а под нормативностью – способность к изменению норм. Именно нормативность лежит в основе здоровья: «Что характеризует здоровье, так это способность выходить за рамки нормы, ...способность примириться с нарушениями привычной нормы и устанавливать новые нормы в новых ситуациях» (Canguilhem, 1991: 196-197). Кангильем

⁶ Форпостом нормоцентричной парадигмы в медицине стала психиатрия, поскольку психическое здоровье наименее адекватно описывается простой дихотомией нормы и патологии (см., например: Foldenyi, 2016).

⁷ Под *институциональной наукой* понимается множество фундаментальных и прикладных направлений институциональных исследований в разных областях знаний об экономике и обществе. Этот термин – аналог обобщающих терминов типа региональной науки (*regional science*), сервисной науки (*service science*), когнитивной науки (*cognitive science*) и др. Другое возможное название институциональной науки – *институционалистика*.

критиковал упрощенную трактовку болезней как отклонений от стандартизированных норм, рассматривая их (болезни) как разновидности и новые измерения норм жизни (Op. cit.: 183). Он принципиально отвергал дихотомию нормального и ненормального, утверждая, что «разнообразие – не болезнь; аномальное – не патологическое» (Op. cit.: 137). Этот тезис можно считать *главным принципом нормоцентричной парадигмы*.

Для понимания природы институциональных аномалий ключевым следствием кангильемовского наследия является курс на позитивизацию конвенционально негативного отношения к ним. Не случайно в основе всех концептуальных построений Кангильема лежала выведенная им философия, согласно которой жизнь в ее предельном понимании есть способность к совершению ошибок (Op. cit.: 22). Очевидно, что институциональная эволюция всегда происходит путем проб и ошибок, но все внимание ученых, экспертов и политиков притягивают удачные «пробы» (успешные институциональные эксперименты и реформы), тогда как роль «ошибок» (непредвиденных изменений институтов) конвенционально считается сугубо отрицательной. Поэтому изучение (как и регулирование) институциональных аномалий всегда исходит из явного или неявного постулата о том, что с институтами «происходит ”что-то не то”. “Что-то не то” в данном случае имеет нормативную нагрузку (подразумевается, что происходит “что-то неправильное”))» (Воробьев, 2012: 3), что-то девиантное и деструктивное. Имплицитное доминирование оценочного «*что-то не то*»-подхода к восприятию институциональных аномалий есть не что иное, как следствие широкого распространения нозоцентричной парадигмы в экономике и других социальных науках⁸. И описываются такие аномалии почти исключительно при помощи пейоративных терминов (т.е. терминов с заложенным в них отрицательно-оценочным подтекстом) – типа институциональных провалов, ловушек, мутаций, вакуума, пустот, разломов, дисфункций и т.д.

Предлагаемая нами точка зрения состоит в *принципиальном отказе от негативной коннотации применительно к институциональным аномалиям* и переходе к нормоцентричной парадигме. Институциональные аномалии – неизбежные следствия и конкретные формы проявления разнообразия экономической системы, а разнообразие – основной критерий сложности и главный результат эволюции, если в качестве критерия ее «успешности» рассматривать адаптивную эффективность, т.е. способность системы реагировать на внешние и внутренние изменения максимально широким набором способов. Адаптация через девиации – в чистом виде шумпетерианская трактовка экономической эволюции, просто при акценте на инновации в фокусе оказываются условно позитивные стороны этого процесса, а при сдвиге на девиации – условно негативные аспекты. Но не

⁸ Об этой исследовательской установке автор осведомлен не понаслышке, поскольку сам долгое время работал в рамках нозоцентричной парадигмы (см., например: Фролов, Лаврентьева, 2016).

стоит забывать, что любая инновация – это по сути девиация⁹, а их категориальное разделение является всего лишь данью устоявшейся терминологической традиции и не должно восприниматься излишне жестко. Не случайно в организационных науках в последнее десятилетие наблюдается выраженный тренд на изучение *конструктивных девиаций*, связанных с превышением норм референтной группы (Vadera, Pratt & Mishra, 2013; Herington & van de Fliert, 2018). С нормоцентричной точки зрения, аномалия не противостоит норме, но расширяет ее границы. *Институциональные аномалии – чаще всего не девиации (в их традиционном смысле) и тем более не патологии; это вариации норм и условно нормальных институтов*¹⁰.

Содержательно институциональные аномалии не являются в строгом смысле нормальными (стандартными, типичными, массовыми) институтами – они представляют собой *экституты*. Идею экститутов приписывают французскому философу М. Серру в качестве мимолетного неологизма, привлекавшего внимание к новым формам социального порядка, выходящим в виртуальную реальность¹¹, т.е. по сути за границы традиционных институтов. Но экституты – это все же не обратная (Spicer, 2010) и тем более не темная (Tirado & Domenech, 2001) сторона институтов. Хотя, если провести условную черту между «правильными» и «неправильными» институциональными явлениями, то экституты, безусловно, в большей степени соотносятся с последними. По сути *экституты – это формы расширения нормальных институтов за границы определяемых ими норм, в зону вариаций*; это за-институциональные модели социального порядка, базирующиеся на вариациях норм. Экституты выходят за пределы действующих институтов, поддерживая как конструктивные, так и деструктивные девиации, и созидательно разрушая (или деформируя) сложившиеся структуры, способы и системы упорядочения. Формируемые экститутами альтернативные социальные порядки за-институциональны в том смысле, что они находятся за границами порядков, определенных действующими (нормальными, правильными) институтами. И, если принять метафорическую мысль Серра о том, что любой «институт создан из камня»

⁹ Консерваторы всегда воспринимают новаторские действия как девиации, противоречащие общим интересам, чрезмерно повышающие неопределенность, нарушающие социальные нормы и/или просто незаконные (Dequech, 2013: 101).

¹⁰ Речь, безусловно, не идет о крайностях – радикально аномальных институтах.

¹¹ Судя по всему, Серр впервые был назван автором термина «экститут» в работах (Tirado & Domenech, 1998, 2001; Tirado & Mora, 2004), причем без указания конкретной цитаты и страниц первоисточника, а впоследствии это утверждение транслировалось во многих статьях (Spicer, 2010; Collet-Sabe, 2013; Valeriola et al., 2016; Huysmans, 2016; Tirado & Maureira, 2016), посвященных экститутационной проблематике. Однако, как показал проведенный нами анализ, в трудах Серра, на которые ссылаются его адепты (Serres, 1994, 1995), экституты даже не упоминаются. Ввиду высочайшей научной продуктивности Серра (он автор более 60 книг) подтверждение или опровержение его авторства в отношении идеи экститутов крайне затруднительно.

(Serres, 1995: 106), то *экституты*, можно сказать, созданы из песка; это непрерывно флуктуирующие формы социального порядка, очень гибкие, пластичные, текучие, ускользающие, подвижные, быстро адаптирующиеся к изменениям, сочетающие разные логики, с предельно низкими барьерами и минимумом ограничений, с размытым функционалом и нечетким статусом. Экституты – промежуточные звенья между существующими и еще (или уже) несуществующими социальными порядками.

Экституты охватывают те виды и формы человеческой деятельности, которые «превышают, нарушают и не соответствуют институтам» (Spicer, 2010: 26). Таковы, в частности, альтернативные модели семейных отношений, прекариат и гибкая удаленная (пост-)работа, виртуальная медицина, массовые открытые онлайн-курсы, частные военные компании, прецизионное сельское хозяйство, регуляторное предпринимательство, глобальные цепочки создания ценности¹², уберизированные модели бизнеса, криптовалюты и децентрализованные денежные системы, блокчейн и смарт-контракты, первичное размещение монет / токенов, финтех и регтех, роботизированные производства и использование умных товаров, искусственный интеллект и Большие данные, фейковые новости и креативные коллаборации¹³ и т.д. И, конечно, это теневая и особенно «серая» экономика – естественная среда зарождения экститутотв.

Экституты несут на себе все бремя преимуществ и недостатков инноваций в фазе их становления: они обычно локальны, маргинальны, не оформлены и свободны¹⁴; в них место правил занимают исключения (из правил) и гибкие нормы, место стимулов и процедур – убеждения и практики действий; порой они почти невидимы для мониторинга и с трудом распознаются на институциональном поле. Пусть и не будучи (скорее всего) первооткрывателем экститутотв, Серр высказал крайне важную для нашего исследования мысль: «мы часто называем патологическим то, что должно вести за собой нормальность» (Serres, 1995: 135). Это в полной мере относится к экститутам. Первоначально распатывая границы сложившихся институтов, с течением времени – при благоприятном стечении обстоятельств – «они становятся институционализированными в том смысле, что отклонение “нормализуется”» (Barnett & Finnemore, 1999: 721-722), лежащие в основе экститутотв вариации, казавшиеся девиациями,

¹² К относительно новым глобальным экститутам относятся различные формы расширения частной власти (типа международного коммерческого арбитража) в смежные сферы, а также системы саморегулирования взаимодействий транснациональных компаний (Sassen, 2006: 242-247).

¹³ Например, экституты, создаваемые неформальными творческими сообществами, серьезно конфликтуют с действующими законами, негласными нормами, имплицитными конвенциями и общими убеждениями, особенно в области интеллектуальной собственности (Casey & Sawicki, 2017).

¹⁴ Однако экституты не сводятся к неформальным институтам, которые вполне могут быть нормальными; природа же экститутотв – в их аномальности, альтернативности формируемых ими социальных порядков.

превращаются в новые нормы, а сами институты утверждаются в качестве «правильных» институтов, прогрессивно усложняя институциональную систему.

Поскольку аномалии являются объективным следствием и маркером разнообразия, следует переосмыслить позицию, высказанную в работе (Mauskapf & Zajac, 2013), и признать, что *институциональные аномалии – не побочный, а основной продукт институциональной сложности*. Более того, чем выше уровень институциональной сложности экономики и общества, тем больше число институциональных аномалий и тем более многообразны их конкретные формы. Не случайно дисфункциональные институты становятся сейчас все более типичным явлением не только в экономической, но и в политической, и в социальной сферах¹⁵, а в ведущих странах мира «трудно найти институт, в котором не было бы какого-либо рода провалов или патологий, вызванных кризисом в его широком понимании» (Richards, Smith & Nau, 2014: 257). Можно предположить, что массив институциональных аномалий будет стабильно расширяться и уже в ближайшем будущем наиболее распространенными станут не дисфункции отдельных институтов, а дисфункции взаимодействия вполне функциональных институтов, т.е. институциональные диссонансы. «Сбоить» будут даже эффективные институты из-за растущего усложнения механизмов межинституциональных взаимосвязей. Причем вполне вероятно, что такие диссонансы достаточно быстро станут нормой.

Следствия нормоцентричной парадигмы

Нормоцентричная парадигма способна вызвать целый ряд глубоких изменений в исследовательской программе теории институциональных аномалий (и, в целом, институциональной теории), способствующих повышению ее объективности, реализма и аналитической силы. Далее рассмотрим наиболее значимые из этих сдвигов.

1. *От дихотомии плохих и хороших институтов – к спектральному анализу*. Все исследования институциональных аномалий базируются на дихотомичном сравнительном подходе, когда условно плохие институты (или состояния институтов) сравниваются с условно хорошими. Например, в случае институциональной ловушки сопоставляются два альтернативных институциональных равновесия, а в случае дисфункции института – реальный и ожидаемый или стандартный режимы его функционирования (Полтерович, 2007: 91). Это очень давняя традиция институционального анализа. Впервые дихотомию хороших и плохих социальных институтов нам удалось обнаружить в сочинении швейцарского богослова Э. Навилля (1816-1909) «Проблема зла: семь лекций» (1869). Он писал, что «хорошие

¹⁵ См., например, материалы специализированного симпозиума по этой проблеме: Prakash & Potoski, 2016; Borzel & Risse, 2016.

институты приведут к исчезновению всех невзгод, на которые мы жалуемся», тогда как «плохие институты способствуют возрастанию и распространению Зла» (Naville, 1871: 97, 102). Но гораздо важнее следующая ремарка этого забытого мыслителя: «Институты не создают Зла; ...но институты препровождают и увеличивают как Зло, так и Добро», другими словами, «институты действуют как во славу Добра, так и во славу Зла» (Op. cit.: 101-102, 99). Институты не хороши и не плохи сами по себе – эту мысль стоило бы зафиксировать многим современным теоретикам¹⁶.

В принципе, за полтора века, прошедших после публикации приведенных строк Навилля, институционалисты ненамного продвинулись в определении критериев сравнительной оценки качества институтов. Текущее положение дел можно охарактеризовать в общем как «отсутствие ясности в отношении того, какие институты хороши, а какие нет» (Полищук, 2008: 28). С одной стороны, инклюзивные¹⁷ и в целом «хорошие институты представляют собой средства, с помощью которых люди могут получать личную безопасность, улучшать материальное благосостояние и реализовывать свой потенциал» (Menaldo, 2016: 77). С другой же стороны, плохие институты являются по своей природе эксплуататорскими или «экстрактивными – то есть направленными на то, чтобы выжать максимальный доход из эксплуатации одной части общества и направить его на обогащение другой части» (Аджемоглу & Робинсон, 2015: 67). Хорошие или инклюзивные институты формируют в экономике и обществе порядок открытого доступа, плохие или экстрактивные институты – порядок ограниченного доступа (Норт, Уоллис & Вайнгаст, 2011)¹⁸. Но такое черно-белое восприятие институциональной реальности – все же слишком простая и поверхностная форма ее осмысления.

Дихотомия плохих и хороших институтов, как и негативная трактовка институциональных аномалий, являются прямым следствием доминирования нозоцентричной парадигмы. Уязвимости этих теоретических позиций для критики самоочевидны. Прежде всего, возникает вопрос: насколько корректно делить институты на два агрегированных класса, проводя между ними четкую границу? Логично, что исходя из степени инклюзивности (Балацкий, 2017) – или других параметров качества институтов – было бы правильнее выделять их промежуточные категории, заполняющие спектр между полярными состояниями максимально экстрактивных и инклюзивных

¹⁶ Так, усиливающаяся в условиях экспансии экономики знаний романтизация креативности заслоняет собой очевидный институциональный факт: «Творческие пространства – это инкубаторы как для ангелов, так и для монстров» (Katz, 2018: 64).

¹⁷ Инклюзивными институтами Д. Асемоглу (Аджемоглу) и Дж. Робинсон в своем бестселлере «Why Nations Fail» (2012) называют такие системы правил, которые обеспечивают ценности либеральной демократии, защиту частной собственности, независимую судебную систему, равенство возможностей экономической и политической активности и др. (Аджемоглу & Робинсон, 2015: 170).

¹⁸ Мы намеренно абстрагируемся от тонких (и порой туманных) различий между подходами Асемоглу-Робинсона и Норта-Уоллиса-Вайнгаста.

институтов. Замена границы плохих и хороших институтов на спектр (или хотя бы, для начала, на обширную приграничную зону) – важный шаг к построению реалистичной теории институциональных аномалий. Эталонных институтов в чистом виде не существует¹⁹ и, поскольку трансплантировать всю институциональную матрицу порядка открытого доступа невозможно, в реальности возникают разнообразные гибриды инклюзивных и экстрактивных институтов, противоречиво сочетающие соответствующие функции, нормы и логики²⁰.

К тому же сама логика деления институтов на хорошие и плохие вызывает серьезные сомнения. Экстремально развитые инклюзивные институты могут становиться тормозом экономического и социального развития. Достаточно указать на права интеллектуальной собственности, избыточная защищенность которых (в формах копирайта, патентов, товарных знаков) все сильнее препятствует творческому труду и инновациям, параллельно способствуя усилению диктатуры правообладателей и извлечению ими плохой ренты. Приведем показательный пример из фармацевтической индустрии: «В мире, где нет патентов или аналогичных механизмов защиты, вполне вероятно, что дженерики будут стоить почти вдвое меньше, чем сейчас, поскольку рынок станет более конкурентоспособным, а индустрия столкнется с гораздо меньшими юридическими расходами» (Baker, 2018: 13). Но разве эта и другие подобные ситуации²¹ вызваны дисфункциями института интеллектуальной собственности? Нет, напротив, это прямые следствия высокого – и даже чрезмерного – развития этого института. Не случайным в этой связи выглядит активное развитие движения в поддержку открытой науки и, в частности, института открытого доступа, направленного против присвоения и эксплуатации прав собственности на научные статьи коммерческими издательствами. Еще один яркий пример – негативные эффекты избыточного антимонопольного регулирования (Stucke, 2013), основанного на популистском принципе «быть большим плохо» (Shapiro, 2018) и примитивном «монокромном» мышлении, при помощи которого делаются попытки регулировать «палитру» сложных рыночных ситуаций, когда любое институциональное решение устраняет одни проблемы и приводит к

¹⁹ Даже в США, стране эталонной инклюзивности (согласно Асемоглу и Робинсону), в рамках инклюзивных формальных институтов активно развиваются и применяются экстрактивные практики и нормы (Bridges, 2018), по сути стирая границу между этими двумя типами институтов.

²⁰ Более того, «инклюзивность институтов – свобода и правовая защищенность конкуренции – отнюдь не исключает эксплуатации одной части общества другой. В определенном смысле инклюзивные институты могут быть одновременно экстрактивными» (Полтерович, 2018: 16). Это прекрасный пример суждения с точки зрения нормоцентричной парадигмы, как и вывод о том, что «в реальной жизни мы... всегда имеем дело с разными оттенками серого, то есть с различными конгломератами из “экстрактивных” и “инклюзивных” институтов» (Капелюшников, 2019b: 27).

²¹ См. примеры в работах: Senftleben, 2011; Takechi, 2012; Reid, 2019.

возникновению других. Именно поэтому так неэффективна стандартная антимонопольная политика в отношении глобальных технологических молигополий²² (Petit, 2016), индустрии Больших данных (Sokol & Comerford, 2016) и многих других инновационных отраслей и рынков. В свою очередь продолжающийся кризис институциональной системы либеральной демократии ведет к пересмотру роли многих «избыточно» инклюзивных институтов, например, всеобщего избирательного права (Заостровцев, 2018: 21-23).

Повторим: однозначное маркирование институтов как плохих, неправильных, дисфункциональных или неэффективных примитивизирует и обедняет институциональный анализ, приводя к чрезмерно упрощенным выводам о все более сложном мире. Широко распространенная среди институционалистов вредная мыслительная привычка категоричного деления институтов на хорошие и плохие, должна уже наконец уйти в прошлое.

2. *От гипертрофии роли «плохих» групп интересов – к переосмыслению значения бриколажа и клуджей.* Традиционно возникновение институциональных аномалий рассматривается как результат действий групп интересов, которые лоббируют выгодные им изменения институтов. Предполагается, что чаще всего плохие институты «могут быть навязаны обществу теми или иными группами, обладающими ресурсами давления» (Кирдина-Чэндлер, 2017: 21). Поэтому далеко не случайно и школа М. Олсона, и школа Дж. Бьюкенена «подчеркивали пагубные последствия организации групп интересов» (Норт, Уоллис & Вайнгаст, 2011: 250). Конечно, само по себе сведение субъектов макроинституциональной динамики к злокозненным элитным группам вызывает сомнения. Ведь «выбор плохих институтов может быть не только инициативой неподконтрольных политиков, но и заказом, переданным им их избирателями» (Заостровцев, 2014: 34), поэтому «презумпция виновности» групп интересов вряд ли уместна. Как показывает мировой опыт, «элиты совсем не обязательно плохи и своекорыстны, но и граждане далеко не всегда хороши и подвижны лишь заботой об интересах общества» (World Development Report..., 2017: 20)²³. И если одни группы интересов только гонятся за плохой рентой, требуя особого статуса и возводя барьеры для конкурентов, то другие проводят в жизнь прогрессивные институциональные инновации и отстаивают инклюзивные институты и ценности. *Не только*

²² Молигополиями Н. Пети называет технологические мегакорпорации (Facebook, Apple, Amazon, Netflix и Google), являющиеся одновременно монополистами на своих ключевых рынках и олигополистами – на множестве рынков сбыта других своих товаров. Молигополии в этом смысле являются конкурирующими монополиями.

²³ Заметим в этой связи желательность избегания универсалистских обобщений типа «обществу необходимы инклюзивные институты, тогда как экономическим интересам элит отвечают институты экстрактивного типа» (Натхов & Полищук, 2017: 20). Далеко не всякому обществу в его массе нужна высокая инклюзивность, как и не все элиты нацелены на эксплуатацию масс – даже если речь идет только о властных элитах.

плохие, но и не в меньшей степени хорошие, шумперианские ренты движут группами интересов.

Но арена действий групп интересов – чаще всего политический процесс (в его широком смысле) с профессиональными акторами и большими ставками. Что же обычно остается за рамками доминирующего нозоцентричного подхода, так это институциональные аномалии, возникающие вследствие бриколажа (Cleaver, 2012)²⁴. *Институциональный бриколаж* – эволюционный процесс фрагментарных институциональных изменений «снизу» непрофессиональными акторами в условиях перманентного дефицита ресурсов. Бриколаж охватывает огромный массив почти незаметных, инкрементных, разрозненных институциональных импровизаций и экспериментов в ходе повседневной рутинной деятельности в масштабе относительно компактных отношенческих групп и локальных сообществ. Специфика бриколажа обусловлена «кустарным» и даже «грязным»²⁵ способом осуществляемых изменений институтов – из любых доступных ресурсов²⁶, наслаивая новые версии на старые, с низкой эффективностью, методом проб и ошибок, путем постоянных итераций и модификаций. Наиболее распространенные результаты бриколажа – *институциональные клуджи*, т.е. не самые эффективные, а дешевые и минимально функциональные, но приемлемые в конкретных условиях институциональные решения текущих проблем. Концепт клуджа²⁷ акцентирует сам факт (а не оптимальный способ) выполнения институтом определенной функции. Конечно, институциональные клуджи чаще всего выглядят как пестрые, лоскутные, несогласованные, перемешанные, анархичные, иногда абсурдные, почти что беспорядочные формы социального порядка. И все-таки они работают.

В локальной среде любая институциональная структура «обрастает» множеством как формальных, так и неформальных элементов, включая не только правила и нормы, но также управленческие процедуры, механизмы принятия решений, статусные функции, отношенческие рутины, модели типичного поведения, негласные соглашения, коллективные ожидания, убеждения, ценности и т.д. Это и есть действие институционального бриколажа. Большинство этих институциональных элементов создается и возникает буквально «на ходу», стихийно, стохастично, без четких планов или договоренностей, лишь для того, чтобы сложная структура продолжала функционировать. Это и есть институциональные клуджи. На первый взгляд они как минимум дефектны и не оптимальны, но они обеспечивают работу

²⁴ Э. Остром использовала синонимичный термин «крафтинг институтов» (Ostrom, 1992), но он не прижился.

²⁵ Эти эпитеты принадлежат Остром и Ф. Кливе.

²⁶ Ресурсами бриколажа выступают нормы закона и обычного права, социальные практики, убеждения, дискурсы и нарративы, символические ресурсы, формы организации, существовавшие в прошлом институты и т.д.

²⁷ См. подробнее о природе клуджей в работах: Marcus, 2008; O'Malley, 2009.

сложных институтов «на местах». И именно влиянием бриколажа и клуджей можно объяснить, в частности, столь аномально высокое разнообразие конкретных институциональных форм кластеров, создаваемых в разных странах. Более того, именно *клубжи и различные клубжеобразные формы представляют собой наиболее массовый и естественный продукт институциональной эволюции* (Фролов, 2019b). Бриколаж и клубжи повсеместно распространены, но они чаще всего наблюдаются на достаточно «приземленном» уровне анализа, например, в процессах встраивания формальных институтов в локальные институциональные архитектуры (Pike et al., 2015) или «заселения» новых институциональных структур местными акторами (Delbridge & Edwards, 2013). И считать возникающие в результате функциональные дисфункции плохими институтами едва ли уместно.

3. *От односторонних оценок институциональных аномалий – к учету гетерогенности их стейкхолдеров.* Объективно не существует плохих или хороших институтов как таковых; это всегда оценка и, как всякая оценка, она неизбежно отмечена печатью субъективизма. Но речь здесь идет о *групповом субъективизме*, т.е. о точке зрения, разделяемой членами и сторонниками определенных социальных групп, которые являются стейкхолдерами (заинтересованными сторонами) различных институтов²⁸. Институты не могут быть полезны или вредны всему обществу. Общество существует как интегрированная целостность лишь на очень высоком уровне абстракции²⁹; в реальности оно уже в первом приближении представляет собой массив групп разного масштаба и влияния. В этом смысле следует признать полную неизбежность группового субъективизма при оценке институциональных аномалий (и институтов в целом) в силу их полисубъектности. Любой институт социально укоренен во множестве стейкхолдеров – как внутренних (непосредственно включенных в данный институт и напрямую связанных с ним своими интересами), так и внешних (связанных с ним косвенно, но испытывающих его влияние и имеющих возможности воздействия на него). В этой связи представляется целесообразным *отказ от устаревшей интерпретации институциональных аномалий с точки зрения интересов общества в целом и общественного благосостояния.* Для изучения институтов сложных обществ и сообществ такой подход становится явно неадекватным.

²⁸ Термин «стейкхолдеры» исторически имеет две очень важные и органично с ним связанные коннотации. Во-первых, неявно предполагается неразрывность внутренних и внешних заинтересованных сторон (тогда как под агентами и акторами институтов обычно понимаются только их внутренние стейкхолдеры – непосредственные исполнители правил, участники процедур, пользователи механизмов и т.д.). Во-вторых, этот термин включает акцентировку на неоднородности стейкхолдеров, многообразии как внутренних, так и внешних групп влияния с разными интересами, ожиданиями, ресурсами, стратегиями, историями взаимодействий, убеждениями, ценностями и т.д.

²⁹ На этом же уровне абстракции удобно расположились нулевые транзакционные издержки и Парето-оптимальные институты.

Институты в первую очередь таковы, каковы их стейкхолдеры, и в этом смысле каждое общество имеет те институты, которые оно заслуживает. Поэтому изучение институциональных аномалий требует не просто учета, а комплексного включения в анализ стейкхолдеров, которые должны рассматриваться не как отдельные изолированные группы, а как *тесно взаимосвязанные и динамично взаимодействующие участники экосистемы своего института* или институциональной структуры. При этом важно избавиться от распространенной фокусирующей иллюзии³⁰ в анализе институциональных аномалий, связанной с концентрацией на роли наиболее важных стейкхолдеров, образующих силы поддержки и силы сопротивления. Напротив, современная стейкхолдерская теория в большей степени делает акцент на ключевых функциях внешних и второстепенных заинтересованных сторон в русле мультистейкхолдерского подхода (Hillebrand, Driessen & Koll, 2015). Принятие фундаментального тезиса о *множественности и неоднородности стейкхолдеров любой институциональной аномалии* (как и любого института вообще) является залогом их системного и реалистичного понимания. Все институциональные аномалии всегда являются сложными динамичными компромиссами интересов, целей, убеждений и ожиданий различных стейкхолдеров, а не просто механическими изъянами совершенных институтов или сбоями оптимальных режимов их функционирования.

Всякая институциональная инновация неизбежно нарушает сложившееся (часто хрупкое) равновесие интересов разнообразных внешних и внутренних стейкхолдеров, для одних из них выступая явным благом, для других – очевидным злом, а для многих групп создавая сложный баланс выгод и проблем. Поэтому зачастую однозначная оценка институтов как плохих, неэффективных, дисфункциональных и т.д. при детальном анализе выглядит далеко не столь убедительной³¹. Любая кажущаяся независимой и объективной оценка эффективности / функциональности того или иного института всегда есть выражение точки зрения (и интересов) определенных его стейкхолдеров. В частности, то, что представляется институциональной ловушкой для одних групп, является «эпицентром возможностей» для других. Косвенно соглашается с этим и автор теории ловушек: «...один и тот же институт может быть “положительным благом” для одной группы населения и “отрицательным благом” (public bad) – для другой» (Полтерович, 2007: 67). Добавим, что для еще очень многих групп этот институт будет смешанным, неоднозначным благом. О какой же ловушке тогда можно вести речь? *Ловушку негативно оценивает попавшая в нее жертва, но для*

³⁰ Термин Д. Канемана.

³¹ Но это не означает, что такие оценки в принципе невозможны. Например, институт солидарных пенсионных систем, возможность отказа от которого развитые страны упустили более 30 лет назад, превратился сейчас в глубоко укорененную институциональную ловушку с заблокированным сценарием реформ без больших потерь (Капелюшников, 2019а: 45-46).

производителей ловушек, охотников и покупателей их добычи ловушка является очень эффективным инструментом, генерирующим блага и доходы. Адвокаты, юристы, консультанты, арбитражные управляющие, банки и страховые фирмы, офшорные и регуляторные предприниматели³² – и еще многие другие организации и профессиональные группы – извлекают свои доходы практически целиком и полностью из институциональных ловушек и дефектов институциональной системы.

Далее: то, что одним стейкхолдерам кажется явной дисфункцией, для других представляет собой конструктивный процесс изменения функционала институтов в желаемом направлении. Случай реформы РАН – наглядное тому подтверждение. Внутренние стейкхолдеры Академии защищают институты распределительного финансирования науки (в форме государственного задания научным организациям) с главным образом качественными показателями результативности, предполагающими экспертную оценку. Внешние стейкхолдеры – ФАНО³³ и Минобрнауки – лоббируют и активно внедряют институты конкурсного финансирования с преимущественно количественными (прежде всего наукометрическими) показателями, рассматривая их как основу стратегии оптимизации. Первые воспринимают происходящие изменения как управляемое разрушение системы организации науки в стране, вторые – как вынужденные издержки реинжиниринга академических «бизнес-процессов». И принятие любой из этих (или промежуточных между ними) точек зрения означает попадание в ментальную ловушку группового субъективизма. Однозначная оценка реформы РАН как патерналистского провала государства (Рубинштейн & Городецкий, 2018) является все же односторонней, даже несмотря на ее убедительность, поскольку цели реформы, как и критерии оценки ее эффективности, понимаются стейкхолдерами кардинально по-разному.

Поэтому, в частности, концепции, оперирующие понятиями хороших или более совершенных институтов без указания их бенефициаров, должны быть подвергнуты сомнению. Одним из первых напрямую высказался об этой проблеме Х.-Дж. Чанг (Chang, 2011: 474-475). По его мнению, продвижение «передовых» институтов глобального стандарта в развивающиеся страны всегда осуществляется в интересах международных инвесторов из стран с англосаксонской правовой системой, тогда как традиционные институты рассматриваются а priori как низкокачественные и нуждающиеся в замене эталонными. Да, на первый взгляд, институты, поддерживающие формирование новых рынков и развивающихся экономик, выглядят как плохие и слабые по сравнению с институтами, защищающими уже сложившиеся рынки и зрелые рыночные системы. Но, как показывает опыт Китая (Ang, 2016), именно слабые институты (и стратегический курс на

³² Регуляторный бизнес предполагает неотъемлемой частью своего бизнес-плана использование «серых зон» в законодательстве или лоббирование определенных правовых изменений. По этой модели работают Airbnb, Uber и др.

³³ ФАНО – Федеральное агентство научных организаций (2013-2018).

их создание) позволяют развивающимся странам преодолеть ловушку бедности; именно они часто становятся конкурентным преимуществом перед высокоразвитыми странами с их жесткими требованиями к защите прав собственности, прозрачности, экологичности, социальной ответственности и т.д. Целенаправленно ослабляя институты, т.е. ведя «грязную игру», слабые игроки (страны) могут систематически выигрывать у сильных: разве можно назвать такие институты плохими? Если и можно, то это будет оценочная позиция – точка зрения сильных игроков.

4. *От стигматизации отдельных траекторий институционального развития – к осознанию их континуума.* Институциональная эволюция происходит в полиальтернативном пространстве, где любая условная точка представляет собой *точку полифуркации*, образующую пучок альтернативных траекторий развития. Именно мультивариантностью эволюции институтов обусловлена некорректность представления какой-либо их эволюционной траектории в качестве институциональной аномалии. Необходимо принять как фундаментальный факт множественность этих траекторий и, что особенно важно, их принципиальную равноценность. Траектории институционального развития – это не заданные на карте маршруты по уже существующим дорогам, а тропы, прокладываемые во время пути по неизвестной местности. Оценивать эволюционные траектории как плохие, неправильные или неоптимальные – слишком упрощенный подход, потому что *в эволюции институтов важен не маршрут, а вектор движения*³⁴.

Чаще всего альтернативные траектории институционального развития представляют собой не чистые, а гибридные модели³⁵. Так, поскольку демократия многомерна, существует множество смешанных институтов «частичной демократии», занимающих различное промежуточное положение между «чистыми» демократическим и авторитарным режимами. Институты гибридного типа далеко не всегда эволюционируют в направлении «полной демократии»; скорее, речь следовало бы вести о широком массиве «индивидуализированных» траекторий институционального развития (Levitsky & Way, 2010: 4, 14). Описывать такие институциональные аномалии как провалы или дисфункции демократии едва ли перспективно с точки зрения понимания их природы.

³⁴ В исторической перспективе ключевым все же является «вопрос о векторе развития, о том, в каком направлении изменяется общество: в том же, в котором одновременно с ним движутся или двигались ранее те страны, которые сегодня достигли наибольших успехов, или в противоположном» (Иноземцев, 2019: 23).

³⁵ Следовало бы в принципе отказаться от популярной дихотомии развитых и развивающихся стран. С позиций нормоцентричного подхода, развивающиеся страны – это не только страны, развивающиеся по модели развитых стран, т.е. воспринимающие их институты в качестве эталонных. Это и страны, развивающиеся по альтернативным, в том числе гибридным траекториям.

Прямолинейная логика нозоцентричной парадигмы плохо справляется с объяснением сложных случаев институциональной эволюции. Так, Славная революция в Англии (1688), часто рассматриваемая в качестве исторического кейса перехода к инклюзивным институтам, в реальности представляет собой нетривиальный пример эволюционной запутанности. Да, в ее результате была введена конституционная монархия и, в целом, усилена роль парламента. Но при этом в последующие два столетия уровень неравенства был наивысшим в мире, как и степень эксплуатации английских рабочих; сохранялось регрессивное налогообложение с самыми высокими ставками в Европе; Британская империя проводила активную протекционистскую политику и стремилась к монополизации международной торговли, использовала свою военную мощь в геополитических целях и эксплуатировала многочисленные колонии (Vries, 2013: 190-192). Именно экстрактивные институты лежали в основе глобальной империалистической экспансии Англии и ее экономического роста, а совсем не слабые «зародыши» будущих инклюзивных институтов. Траектория движения к высокой инклюзивности была очень извилистой³⁶.

5. *От дисфункций идеальных институтов – к рефункционализациям.* До сих пор институциональные аномалии часто рассматриваются как дисфункции (или провалы) оптимально функционирующих институтов. Это, пожалуй, самая старая традиция нозоцентричной парадигмы. Еще Э. Дюркгейм убедительно критиковал стремление оценивать социальные институты на основе критерия «нормального осуществления функций» (Дюркгейм, 1990: 453), поскольку объективного определения нормальности не существует в принципе, а сравнение вечно несовершенных институтов с их идеальными эталонами представляет собой типичный «нирванский» подход (Demsetz, 1969: 1)³⁷. Конечно, институционалистам XXI века давно пора исходить из динамично меняющегося контекста функциональности институтов и учитывать постоянно происходящие с ними *рефункционализации*, т.е. изменения функционала институтов в целом, отдельных функций или способов их осуществления. При этом важно отказаться от статичной, механистичной и телеологичной интерпретации функций институтов. Так, кажущиеся дисфункции могут быть следствием эволюционного возникновения новых функций и изменения степени значимости существующих. Например, происходящий во всем мире демонтаж институциональной системы социального государства часто рассматривается исследователями как причина дисфункций институтов

³⁶ См. подробный критический разбор стереотипов об институциональной истории Славной революции в работе: Капелюшников, 2019b: 60-72.

³⁷ В сравнении с воображаемым идеалом у любого института неизбежно обнаруживаются изъяны, провалы, дисфункции и т.п. В этой связи институционалистам было бы полезно перейти с «языка провалов» на «язык несовпадений» институтов (institutional mismatch), смещая акцент на сравнение институтов с их реальными аналогами (Furton & Martin, 2019), на что как раз и указывал в свое время Г. Демсец.

науки, образования, здравоохранения, культуры и т.д. Но такие дисфункции являются следствием сравнения функционала этих институтов с эталонами прежней системы. В условиях же отказа от доктрины социального государства функционал институтов общественного сектора неизбежно подвергается рефункционализации, поэтому и говорить о дисфункциях не вполне корректно.

Вообще говоря, понятие дисфункции в большей степени соответствует природе объектов с заданными и неизменными (или очень медленно меняющимися) функциями – типа органов живых организмов или технических устройств и систем. Но все институты находятся в потоке постоянных рефункционализаций – достаточно вспомнить, насколько изменился функционал типичных банка, биржи, фирмы, городской администрации, библиотеки или университета за последние несколько десятков лет³⁸. Функции любого института тестируются и незаметно меняются его стейкхолдерами в процессе повседневной деятельности. К таким накопительным, инкрементным изменениям добавляются радикальные – под влиянием технологических сдвигов, смен политического курса или новых социальных трендов. В ходе рефункционализаций постоянно возникают экституты, но это не дисфункции институтов в их негативном смысле³⁹.

В частности, наблюдаемая дисфункция института банкротства физических лиц, требующая содержательной реконцептуализации действующего законодательства⁴⁰, обусловлена не провалами или дефектами этого старинного института, а изменением его контекста – глубокой институционализацией системы долгового капитализма, в рамках которой подавляющее большинство населения находится в (более или менее выраженном) предбанкротном состоянии: «Человек вынужден набирать долги, для того чтобы вести жизнь, не ограничивающуюся простым выживанием» (Гребер, 2015: 390). Банкротство в результате прошло серию рефункционализаций и сейчас фактически стало неполноценным субститутотом системы социального обеспечения (Spooner, 2019: 107).

³⁸ Например, новой функцией, которую еще только предстоит освоить университетам, станет, по мнению экспертов, взаимодействие с гражданской наукой и координация исследований ученых-любителей. Многими это уже воспринимается как размывание традиционного функционала, ведущее к дисфункции (Wylter & Naklay, 2018: 169).

³⁹ Применительно к функциям институтов важно понимать, что «оценка их эффективности относительна и целиком и полностью зависима от критерия» (Сухарев, 2018: 283). Это авторитетное мнение следовало бы всегда иметь в виду при анализе многочисленных функциональных дисфункций (клубжей).

⁴⁰ Речь идет об отказе от лежащей в основе современного института банкротства устаревшей идеи личной вины за долг, неадекватной реалиям тотальной закредитованности домохозяйств, что потребует переноса большей части ответственности на финансовые учреждения, которые должны проводить более ответственную кредитную политику.

Приведем показательный пример статичности, имманентно заложенной в дисфункциональный подход. Применение теории дисфункций к анализу института гарантирования банковских вкладов базируется на следующем исходном тезисе: «Целевым или нормативным я предлагаю считать использование института, предусмотренное его создателями» (Верников, 2018: 14). Тем самым аналитически предлагается исходить из желательной неизменности функций института во времени. Ведь в реальности любой спроектированный с определенными функциями институт рано или поздно будет отклоняться от них – под влиянием разных групп своих стейкхолдеров или изменившейся среды или того и другого. Понимая чрезвычайную уязвимость такой позиции, А. Верников оговаривается, что «нецелевое применение может быть весьма действенным и эффективным, хотя опять-таки изначально ожидалось достижение иного эффекта» (Там же: 14). Но ведь в таком случае понятие дисфункции институтов в его негативном смысле (нецелевого использования) переносится и на эффективные функциональные изменения (рефункционализации). Этот пример – еще одна иллюстрация того факта, что статичность представляет собой органичное, «врожденное» свойство дисфункционального подхода. Это не проблема использующих его ученых, это «проблема» самой теории дисфункций.

С нормоцентричных позиций следовало бы активизировать поиск ответов на критику дисфункционального мышления, от которого институциональным экономистам предлагается решительно отказаться. Речь идет о доминирующей парадигме экономической политики, связанной с вмешательством государства в функционирование институциональных структур (рынков, инновационных систем, отраслей и т.д.) разного масштаба для коррекции возникающих провалов / дисфункций. Станным образом на этой парадигме базируются и неоклассическая, и институциональная, и эволюционная экономика (Schmidt, 2018). Ясно, что экономическая политика, построенная на анти-дисфункциональных интервенциях в целях возвращения рынков и рыночных институтов в их естественное (оптимальное) состояние неадекватна реальности, поскольку никакого «встроенного» идеального состояния у институтов нет. Но есть ли альтернатива такой политике? И если мы отвечаем «да», то какой должна быть политика поддержки разнообразия институтов и стимулирования роста институциональной сложности? Как задействовать институциональные аномалии в качестве драйверов экономического роста? Эти очень непростые вопросы ждут своих ответов.

б. От изоляционистского – к интегративному подходу. Укажем на еще один момент, редко принимаемый во внимание в рамках нозоцентричной парадигмы. Те или иные «дисфункции» институтов и другие институциональные аномалии могут быть *необходимым побочным продуктом сложной институциональной системы*, органично встроенным в

механизм ее функционирования. Шатдаун⁴¹ (как форма провала государства) является «необходимым злом» американской системы институтов демократии, хотя при взгляде из России может показаться явным сбоем институтов государственного управления. В свою очередь, непрерывность функционирования российских государственных институтов – своего рода институциональный бонус за отсутствие политической конкуренции и гибридно-демократический режим; иначе говоря, это «нехорошее совершенство» (Шульман, 2014: 124).

Интегративный подход предполагает также понимание глубокой укорененности институтов в окружающем их экономическом, социальном, культурном пространстве. Анализ оптимальности институтов по отдельности – практически бессмысленное занятие. Институты относительно «хороши» или «плохи» не в вакууме, а в конкретном средовом контексте, будучи неразрывно встроенными в институциональную систему. Неотделимость институциональных аномалий от среды граничит с невозможностью сколь либо универсальных нормативных рекомендаций, которые по сути могут быть только пространственно-специфичными. Более того, любые сравнения институтов по генерируемому ими уровню трансакционных издержек в значительной степени лишены смысла, т.к. они корректны «лишь в среде, адекватной исходной ситуации; следовательно, все сравнения трансакционных издержек носят локальный характер» (Nutzinger, 1982: 180). Аналогичная проблема существует и в современной медицинской науке: холистическая концепция здоровья, рассматривающая его с позиций интерактивного взаимодействия организма со средой, часто критикуется, поскольку медицинские рекомендации должны быть применимы в разных средах – странах, регионах и т.д. (Sholl, 2016). Это – слабая сторона нормоцентричной парадигмы.

7. *От статичного – к эволюционному подходу.* Пережитком нозоцентричной парадигмы к изучению институциональных аномалий следует признать негативную трактовку дисфункций трансплантированных институтов (Полтерович, 2007: 78-86). В подавляющем большинстве случаев копирования институтов из развитых стран в развивающиеся имеют место дисфункциональные процессы. Изменения функционала и форм институтов, перенесенных в новую среду, проявляются в виде институциональных мутаций, атрофии, отторжения, перерождения и др., которым дается однозначно отрицательная оценка. При этом зачастую упускается из вида эволюционный аспект трансплантационных дисфункций и, в целом, институциональных аномалий: например, *то, что кажется явной аномалией в краткосрочной перспективе, в долгосрочной может играть роль*

⁴¹ Шатдаун (government shutdown) – регулярно возникающая в США временная остановка деятельности правительственных учреждений (исключая критически значимые) в связи с неприятием Конгрессом или неподписанием президентом в срок закона о бюджетных ассигнованиях.

*промежуточного института*⁴², т.е. объективно необходимой связующей (переходной) формы институционального развития.

Например, Великая хартия вольностей (1215) закрепляла передачу королевской властью довольно ограниченного «пучка прав» пулу самых влиятельных английских баронов. Но впоследствии, столетие за столетием, набор этих прав и список социальных групп, на которые эти права распространялись, эволюционно расширялся, став основой формирования образцовых инклюзивных институтов (Helmholz, 2016: 1476-1478; Winiecki, 2016: 197). В Китае однозначно плохие и экстрактивные (по мнению Асемоглу и Робинсона) институты эпохи Мао Цзэдуна⁴³ в действительности создали институциональную базу для формирования более инклюзивных институтов в период «политики реформ и открытости» Дэна Сяопина (Bello, 2013: 253). В начале XXI века внедрение института корпоративной социальной ответственности во многих развивающихся странах сопровождалось многочисленными дисфункциями и имитациями, однако постепенно приводило к распространению норм и практик, связанных с этим институтом в его «эталонной» версии (Jamali & Karam, 2018). Следует признать часто подтверждаемую эмпирически полезность даже плохо прикрываемой имитации институтов более высокого качества: *«плохие» институты часто могут иметь рациональный смысл как часть долгосрочного процесса институциональных изменений*⁴⁴, т.е. как промежуточные институты с приемлемой эффективностью, являющиеся прототипами более совершенных институтов. Конечно, грубая имитация никогда не приводит к созданию точной копии внешнего института-эталона (эффект карго-культа). Кроме того, промежуточные институты могут с высокой вероятностью попасть под действие эффекта блокировки / замыкания (lock-in). И все же они способствуют выработке и закреплению практик, норм, убеждений и т.д., которые в долгосрочном периоде способны стать основой возникновения эндогенного (собственного) аналога желаемого института.

Анализ институтов в статике – распространенная ошибка, ведущая к обнаружению аномалий там, где их в принципе нет. Так, статичное понимание популизма как множественной дисфункции институтов демократии формирует неверное представление о нем. Напротив, рассматривая популизм в качестве альтернативной формы демократии (Pappas, 2019: 51), можно, развивая эту мысль, прийти к выводу о том, что экспансия популизма отражает не просто «недомогание» или «упадок демократии», а новый этап ее институциональной эволюции. Ведь

⁴² См. о стратегии промежуточных институтов (Полтерович, 2007: 137-138).

⁴³ Речь идет, в частности, от освобождении Китая из-под контроля западных стран, построении сильного национального государства и создании правящей партии с высокой исполнительной дисциплиной.

⁴⁴ На микроуровне этот эффект описывается концепцией «неразделимости управления» (governance inseparability); см. подробнее: Argyres & Liebeskind, 1999.

демократия – это не заданный раз и навсегда идеальный набор инклюзивных институтов. И, возможно, рост популярности популистских идей сигнализирует о начале «созидательного разрушения» сложившейся модели представительной демократии и ее трансформации в новое качество. В любом случае, не следует забывать о широком спектре форм и траекторий развития популизма, объединять которые в единую категорию следует с большой осмотрительностью⁴⁵.

Институциональные аномалии могут быть также *побочным эффектом эволюционного движения к более сложным институтам*. Показательный пример – фактический отказ от института презумпции невиновности в США после скандала вокруг Х. Вайнштейна и его имплицитная замена принципом веры жертве (*believe the victim*). Но если Вайнштейна обвинили в домогательствах более 80 женщин, то порожденная одноименным эффектом волна обвинений зачастую связана с единичными инцидентами многолетней давности при полном отсутствии доказательств и свидетелей. Но и такие обвинения (в виде постов в социальных сетях) также сопровождаются разрушением карьер, перечеркиванием достижений и социальной стигмой. Сверхжесткие по последствиям бездоказательные (и не требующие доказательств) обвинения в сексуальном насилии (или даже флирте) быстро стали новой нормой, хотя и идут вразрез с базовыми ценностями демократии. Но при этом достигается новый уровень инклюзивности (защиты ущемленных в правах социальных групп), хотя в зоне потенциального риска оказываются слишком многие – не только в шоу-бизнесе, но и в журналистике, политике, науке и образовании и т.д. И это не дисфункция, а издержки усложнения институциональной системы.

8. *От простых институтов – к институциональной гибридности*. Все чаще институциональные аномалии становятся следствием возрастающей сложности институтов, например, их гибридности – параллельного действия нескольких управляющих ими институциональных логик⁴⁶. В гибридных институтах с множественной логикой сочетание и переплетение (но не смешивание) принципиально различающихся порядков, норм и дискурсов само по себе продуцирует внутреннюю напряженность и, зачастую, конфликтность. Приведем лишь некоторые примеры. Несмотря на длительную коэволюцию творческой и предпринимательской логик в культурных индустриях, «все же отношения между креативностью и коммерцией по-прежнему остаются предметом переговоров, конфликта и борьбы» (Хезмондалш, 2014: 102). Однако это результат не дисфункции институтов культурного сектора, а сложности взаимосвязи их институциональных логик. В случае кластеров конфликтность логик конкуренции и кооперации часто маскируется понятием коопетиции. При

⁴⁵ Так, по мнению Д. Родрика, экономический популизм может быть вполне приемлем и даже необходим в кризисные и стагнационные периоды (Rodrik, 2018: 199).

⁴⁶ Институциональные логики – комбинации фундаментальных принципов, ценностей и убеждений, лежащие в основе институтов и институциональных структур.

этом явно недооценивается «темная сторона» коопетиции, связанная с недобросовестной конкуренцией и оппортунизмом партнеров, которые получают доступ к ключевым компетенциям и знаниям друг друга. И речь идет не просто о второстепенных рисках, а о неотъемлемой, конституирующей составляющей самой природы кластеров – двойственной институциональной логике.

Другой пример – интеграция бизнес-логики в функционал институтов общественного сектора (университетов, школ, больниц, театров, музеев, библиотек и т.д.) приводит к возникновению институциональной гибридности, которую зачастую характеризуют в терминах провалов и патологий. Логика деятельности медицинского персонала повсеместно приходит все в большее противоречие с институциональной логикой менеджеров учреждений здравоохранения⁴⁷. Коммерциализация высшего образования, выражающаяся в ориентации на рейтинги, маркетинг и прикладные разработки, а также усиливающая позиции администраторов, вызывает «неопределенность в отношении роли Университета и сущности стандартов, в соответствии с которыми его следует оценивать как институт» (Ридингс, 2010: 9). Аналогично, все более распространенное внедрение услуги-центричной логики в деятельность предприятий промышленного сектора приводит к параллелизму и скрытому конфликту институциональных логик, ориентированных на клиента и на продукт⁴⁸. И снова повторим: это не дисфункции и не патологии институтов, а результат их усложнения – перехода к множественности управляющих ими логик.

Заключение

Может ли быть институциональных аномалий больше, чем нормальных институтов? Да, и самый показательный пример – происходящий сейчас по всему миру кризис института нуклеарной семьи. Этот процесс описывается как деинституционализация семьи (Smyth, 2016) или переход от института семьи к семейным конфигурациям (Widmer, 2016), т.е. как разрушение нормального, наиболее распространенного института, вытесняемого альтернативными (читай – аномальными) моделями семейных отношений. Среди них – сожительство и LGBTIQ-партнерства, «вместе, но порознь»

⁴⁷ Вот как эмоционально описывает последствия конфликта институциональных логик известный британский нейрохирург Г. Марш: «Любая полученная нами “прибыль” идет на поддержание менее прибыльных отделений траста, поэтому, несмотря на внедрение всевозможных премий и штрафов, столь любимых экономистами, фактически ничто не стимулирует персонал трудиться усерднее и эффективнее. А даже если и появляются какие-то лишние деньги, складывается впечатление, что все они уходят на расширение штата, тем самым словно призывая старых сотрудников работать меньше» (Марш, 2016).

⁴⁸ Так, в издательской индустрии «мягкое» сопротивление сервисной логике выражается в подмене принципов и норм совместного с клиентами создания ценности простым переходом на онлайн-формат дистрибуции (Cestino & Berndt, 2017).

(living apart together), гостевой междугородный брак, мульти- и транслокальные домохозяйства, семьи по выбору и многие другие⁴⁹. Эти институциональные аномалии – конкуренты и даже антагонисты института стандартной (нуклеарной) семьи, т.к. они «перетягивают» к себе агентов, являющихся главным ограниченным ресурсом данного института, ведя к сужению его социальной базы и превращению из доминирующей модели в одну из многих альтернатив.

Возникает вопрос: не является ли наблюдающийся крах ностальгического идеала «нормальной» семьи следствием более общего процесса? Не происходит ли на наших глазах становление *новой нормальности как системы аномалий без явной нормы*? Не движемся ли мы к миру, в котором экституты вытеснят институты на периферию? Видимо, именно в этом направлении и идет социальная эволюция. На это указывает практически экспоненциальный рост институциональной сложности, сопровождающийся повышением разнообразия, неоднородности, эклектичности, гибридности, пластичности институтов и институциональных структур. Возникает новый мир постправды, постдемократии, постработы, пострегулирования... Границы нормы (нормальных институтов) сужаются и начинается доминирование институциональных аномалий. Не превалирующая норма и незначительная зона отклонений (девиаций), а массив альтернативных вариаций без выраженных норм – такова надвигающаяся институциональная реальность. *Институты отступают, vive les extitutions!*

Использование нормоцентричной парадигмы, конечно, не должно означать впадения в новую крайность – идеализацию любых институтов, невзирая на их дефекты и негативные эффекты. Такая разновидность панадаптационизма, когда любые проявления неэффективности институтов рассматриваются как способы их приспособления к меняющимся условиям⁵⁰, категорически неприемлема. Речь же идет о том, что при современном уровне институциональной сложности (который продолжает расти) подавляющее большинство кажущихся «плохими» институтов оказываются ее объективными следствиями и формами проявления. Поэтому целесообразно в первую очередь исходить из нормоцентричного подхода к институциональным аномалиям, избегая их однозначно негативной оценки и

⁴⁹ Причем каждая из указанных моделей включает набор устойчивых субмоделей.

⁵⁰ Такой же вывод напрямую следует из приложения к институтам неоклассической логики максимизации: поскольку институты выбираются и создаются максимизирующими полезность агентами, то любой существующий институт в любой стране мира эффективен, но в заданной системе ограничений (Leeson, 2019). При всей своей внешней убедительности и элегантности, этот подход радикально упрощает процессы принятия индивидуальных решений, коллективного выбора и эмерджентных институциональных изменений. Ограниченно рациональные (а с точки зрения поведенческой экономики – абсолютно иррациональные) люди в принципе не способны создавать совершенные институты.

стигматизации. Восемь (как минимум) приведенных выше концептуальных сдвигов в понимании аномалий должны стать своего рода чек-листом (проверочным списком) при изучении институтов, «подозреваемых» в неэффективности и дисфункциональности. Только после учета этих атрибутов нормоцентричной парадигмы можно (с достаточной осторожностью) говорить о том, что перед нами действительно плохой институт. В условиях, когда большинство институтов в той или иной степени аномальны, другого выхода просто нет.

Подведем итоги. Накопленный массив исследований в области плохих институтов можно считать критической массой для формирования общей теории институциональных аномалий. Парадигмой этой теории должен стать нормоцентричный подход, трактующий такие аномалии не как девиации, а как вариации нормы, что позволяет отказаться от их негативной оценки и преодолеть устойчивую дихотомию эффективных и неэффективных (хороших и плохих) институтов. Ключевым моментом нормоцентричной теории институциональных аномалий является введение понятия экститутов как за-институциональных моделей социального порядка, базирующихся на вариациях норм.

Нормоцентричная теория институциональных аномалий предполагает:

- отказ от противопоставления плохих – хороших институтов и смещение акцента анализа на спектр их промежуточных состояний;
- отказ от преувеличения роли профессиональных групп интересов и фокусировку на изучении «кустарных» институциональных изменений «снизу» (бриколажа), ведущих к созданию функциональных дисфункций (клюджей);
- внедрение мультитейкхолдерского подхода и отказ от оценок институциональных аномалий с (часто имплицитных) позиций интересов отдельных социальных групп;
- признание полиальтернативности институциональной эволюции и переход к нейтральной оценке любых, особенно гибридных траекторий развития институтов;
- сдвиг фокуса исследований с дисфункций институтов на процессы непрерывных рефункционализаций;
- отказ от понимания институтов как простых, статичных, механистических структур в пользу их анализа с позиций высокой внутренней сложности, глубокой укорененности в гетерогенной среде и нелинейности эволюции.

Перечисленные концептуальные изменения неизбежно ведут к пересмотру ключевых принципов «жесткого ядра» современного неинституционализма и разрыву с доминирующей методологической традицией. Развитие нормоцентричной теории институциональных аномалий соотносится с исследовательской программой постинституционализма – нового поколения методологий и теорий, связанных с анализом нередуцируемой институциональной сложности и дистанцирующихся от

аксиоматики (и догматики) новой институциональной экономики (Фролов, 2019а). Именно институциональная сложность является главным источником экзититутов и аномалий. И с такой точки зрения становится очевидным, что за плохими институтами чаще всего скрываются экзититуты, а аномалии являются неотъемлемыми (и критически важными) элементами сложных институциональных систем.

Институциональные аномалии – это странные, но не плохие институты.

Список литературы

Аджемоглу, Д., Робинсон, Дж. А. (2015). *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. М.: АСТ. [Acemoglu, D. and Robinson, J. (2015). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. Moscow: AST. (In Russian.)]

Аристотель (1983). *Сочинения*: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль. [Aristotle (1983). *Works*: In 4 vols. Vol. 4. Moscow: Mysl. (In Russian.)]

Балацкий, Е. В. (2017). Концепция инклюзивных институтов и ее приложения // *Общественные науки и современность*, (3), 143-156. [Balatsky, E. V. (2017). The concept of inclusive institutions and its applications // *Social Sciences and Modernity*, (3), 143-156. (In Russian.)]

Балацкий, Е. (2007). Нечеткие институты, культура населения и институциональная энтропия // *Общество и экономика*, (5-6), 37-53. [Balatsky, E. (2007). Fuzzy institutions, population culture and institutional entropy // *Society and Economy*, (5-6), 37-53. (In Russian.)]

Верников, А. В. (2018). *Гарантирование банковских вкладов в России: нецелевое использование института или его захват?*: препринт WP1/2018/01. М.: ВШЭ. [Vernikov, A.V. (2018). *Deposit insurance in Russia: Was the institution misused or captured?*: Working paper WP1/2018/01. Moscow: HSE. (In Russian.)]

Воробьев, А. Н. (2012). *Левиафан поневоле: захват государства как следствие режимных деформаций*: препринт WP14/2012/07). М.: ВШЭ. [Vorobyev, A. N. (2012). *Leviathan Against its Will: State Capture as a Consequence of Regime Deformations*: Working paper WP14/2012/07). Moscow: HSE. (In Russian.)]

Гребер, Д. (2015). *Долг: первые 5000 лет истории*. М.: Ад Маргинем Пресс. [Graeber, D. (2015). *Debt: The First 5000 Years*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian.)]

Дюркгейм, Э. (1990). *О разделении общественного труда. Метод социологии*. М.: Наука. [Durkheim, E. (1990). *On the division of labor in society. Method of sociology*. Moscow: Nauka. (In Russian.)]

Заостровцев, А. П. (2014). История по Асемоглу-Робинсону: институты, развитие и пределы авторитарного роста // *Общественные науки и современность*, (3), 32-43. [Zaostrovstsev, A. P. (2014). The history according to Acemoglu-Robinson: institutions, development, and the limits of authoritarian growth // *Social Sciences and Modernity*, (3), 32-43. (In Russian.)]

Заостровцев, А. П. (2018). Экономисты об эффективности демократии: дискуссия на рубеже веков // *Вопросы теоретической экономики*, (2), 8-27. [Zaostrovstsev, A. P. (2018). Economists on the effectiveness of democracy: discussion at the turn of the century // *Theoretical economics*, (2), 8-27. (In Russian.)]

Иноземцев, В. Л. (2019). *Несовременная страна. Россия в мире XXI века*. М.: Альпина Паблишер. [Inozemtsev, V. L. (2019). *Outmoded country. Russia in the world of the XXI century*. Moscow: Alpina Publisher. (In Russian.)]

Капелюшников, Р. И. (2019а). *Феномен старения населения: экономические эффекты*. М.: Институт экономики РАН. [Kapeliushnikov, R. I. (2019). *Population aging phenomenon: economic effects*. Moscow: Institute of Economics, RAS. (In Russian.)]

Капелюшников, Р. И. (2019b). *Contra панинституционализм*: препринт WP3/2019/03. М.: ВШЭ. [Kapeliushnikov, R. I. (2019). *Contra Pan-institutionalism*: Working paper WP3/2019/03. Moscow: HSE. (In Russian.)]

Кирдина-Чэндлер, С. Г. (2017). *Мезоуровень: новый взгляд на экономику?* М.: Институт экономики РАН. [Kirdina-Chandler, S. G. (2017). *Meso level: a new look at the economy?* Moscow: Institute of Economics, RAS. (In Russian.)]

Марш, Г. (2016). *Не навреди. Истории о жизни, смерти и нейрохирургии*. М.: Эксмо. [Marsh, G. (2016). *Do No Harm: Stories of Life, Death, and Brain Surgery*. М.: Eksmo. (In Russian.)]

Натхов, Т. В., Полищук, Л. И. (2017). *Политэкономия институтов и развития: как важно быть инклюзивным*. М.: Институт экономики РАН. [Natkhov, T. V., Polishchuk, L. I. (2017). *Political economy of institutions and development: how important it is to be inclusive*. Moscow: Institute of Economics, RAS. (In Russian.)]

Норт, Д., Уоллис, Д., Вайнгаст, Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд-во Института Гайдара. [North, D., Wallis, D., Weingast, B. (2011). *Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Moscow: Gaidar Institute. (In Russian.)]

Полищук, Л. (2008). Нецелевое использование институтов: причины и следствия // *Вопросы экономики*, (8), 28-44. [Polishchuk, L. (2008). Misuse of Institutions: Causes and Consequences // *Voprosy Ekonomiki*, (8), 28-44. (In Russian.)]

Полтерович, В. М. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы // *Экономика и математические методы*, 35(2), 3-19. [Polterovich, V. M. (1999). Institutional traps and economic reforms // *Economics and Mathematical Methods*, 35(2), 3-19. (In Russian.)]

Полтерович, В. М. (2001). Трансплантация экономических институтов // *Экономическая наука современной России*, (3), 24-50. [Polterovich, V. M. (2001). Transplantation of economic institutions // *Economics of modern Russia*, (3), 24-50. (In Russian.)]

Полтерович, В. М. (2007). *Элементы теории реформ*. М.: Экономика. [Polterovich, V. M. (2007). *Elements of the theory of reforms*. М.: Ekonomika. (In Russian.)]

Полтерович, В. М. (2018). *К общей теории социально-экономического развития*. MPRA Paper No. 88164 (https://mpra.ub.uni-muenchen.de/88164/1/MPRA_paper_88164.pdf). [Polterovich, V. M. (2018). *To the general theory of socio-economic development*. MPRA Paper No. 88164 (https://mpra.ub.uni-muenchen.de/88164/1/MPRA_paper_88164.pdf). (In Russian.)]

Ридингс, Б. (2010). *Университет в руинах*. М.: ГУ – ВШЭ. [Readings, B. (2010). *The University in Ruins*. Moscow: HSE. (In Russian.)]

Рубинштейн, А. А., Городецкий, А. Е. (2018). Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, 10(4), 38-57. [Rubinshtein, A. A., Gorodetsky, A. E. (2018). State paternalism and paternalist failure in the theory of patronized goods // *Journal of Institutional Studies*, 10(4), 38-57. (In Russian.)]

Сухарев, О. С. (2014). *Теория дисфункции экономических систем и институтов*. М.: Ленанд. [Sukharev, O. S. (2014). *The theory of dysfunction of economic systems and institutions*. Moscow: Lenand. (In Russian.)]

Сухарев, О. С. (2018). Экономическая теория институциональных изменений: подходы к моделированию коррекции и дисфункции институтов // *Журнал экономической теории*, 15(2), 276-290. [Sukharev, O. S. (2018). The economic theory of institutional change: approaches to modeling the correction and dysfunction of institutions // *Journal of Economic Theory*, 15(2), 276-290. (In Russian.)]

Фролов, Д. П. (2019а). Постинституциональная теория блокчейна // *Журнал экономической теории*, 16(2) (в печати). [Frolov, D. P. (2019a). Post-institutional theory of the blockchain // *Journal of Economic Theory*, 16(2) (forthcoming). (In Russian.)]

Фролов, Д. П. (2019b). Эво-дево: парадигмальный вызов для институционально-эволюционного анализа // *Экономическая наука современной России*, (2) (в печати). [Frolov, D. P. (2019b). Evo-devo: a paradigm challenge for institutional-evolutionary analysis // *Economics of Modern Russia*, (2) (forthcoming). (In Russian.)]

Фролов, Д. П., Лаврентьева, А. В. (2016). «Искусство войны» с институциональными аномалиями: обзор основных методов // *Журнал экономической теории*, 13(3), 138-152. [Frolov, D. P., Lavrentyeva, A. V. (2016). «Art of war» with institutional anomalies: an overview of the main methods // *Journal of Economic Theory*, 13(3) 138-152. (In Russian.)]

Хезмондалш, Д. (2014). *Культурные индустрии*. М.: ВШЭ. [Hesmondhalgh, D. (2014). *The cultural industries*. М.: HSE. (In Russian.)]

Шульман, Е. (2014). Суррогаты парламентаризма // *Pro et Contra*, (1), 124-132. [Shulman, E. (2014). Substitutions of parliamentarism // *Pro et Contra*, (1), 124-132. (In Russian.)]

Ang, Y. Y. (2016). *How China Escaped the Poverty Trap*. London: Cornell University Press.

Argyres, N. S. and Liebeskind, J. P. (1999). Contractual commitments, bargaining power, and governance nonseparability: Incorporating history into transaction cost theory // *Academy of Management Review*, 24(1), 49-63.

Arthur, W. B. (1989). Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // *The Economic Journal*, 99(394), 116-131.

Baker, D. (2018). *Is Intellectual Property the Root of All Evil? Patents, Copyrights, and Inequality*. Paper presented at The Great Polarization: Economics, Institutions and Policies in the Age of Inequality conference, University of Utah, Department of Economics, September 27-29, 2018 (<http://cepr.net/images/stories/reports/ip-2018-10.pdf>).

Baker, P. H. and Ausink, J. A. (1996). State collapse and ethnic violence: toward a predictive model // *Parameters*, 26(1), 19-31.

Baleriola, E. et al. (2016). Nuevas formas de habitar la ciudad: hacia una conceptualización de la ciudadanía biovigilante / Baleriola, E., Tirado, F., Maureira, M. and Torrejón, P. // *Fractal: Revista de Psicología*, 28(2), 172-180.

Barnett, M. N. and Finnemore, M. (1999). The Politics, Power, and Pathologies of International Organizations // *International Organization*, 53(4), 699-732.

Bassi, N. (2016). Implications of Institutional Vacuum in Wetland Conservation for Water Management // *IIM Kozhikode Society & Management Review*, 5(1), 41-50.

Bator, F. M. (1958). The Anatomy of Market Failure // *The Quarterly Journal of Economics*, 72(3), 351-379.

Baudry, B. and Chassagnon, V. (2010). The Close Relation Between Organization Theory and Oliver Williamson's Transaction Cost Economics: a Theory of the Firm Perspective // *Journal of Institutional Economics*, 6(4), 477-503.

Beaumont, P. B. and Harris, R. I. D. (1994). The institutional vacuum in British industrial relations // *Policy Studies*, 15(4), 50-59.

Bello, W. F. (2013). Review: Why «Why Nations Fail» is Not in the Same League as «The Social Origins of Dictatorship and Democracy» // *Philippine Sociological Review*, 61(1), 251-257.

Borzel, T. A. and Risse, T. (2016). Dysfunctional state institutions, trust, and governance in areas of limited statehood // *Regulation & Governance*, 10(2), 149-160.

Bridges, M. (2018). *Extractive Practices in «Inclusive» States: Power and Poverty in the USA*. London: London School of Economics.

Canguilhem, G. (1991). *The Normal and the Pathological*. New York: Zone Books.

- Carment, D. (2003). Assessing State Failure: implications for theory and policy // *Third World Quarterly*, 24(3), 407-427.
- Casey, A. J. and Sawicki, A. (2017). The Problem of Creative Collaboration // *William and Mary Law Review*, 58(6), 1793-1850.
- Cestino, J. and Berndt, A. (2017). Institutional limits to service dominant logic and servitisation in innovation efforts in newspapers // *Journal of Media Business Studies*, 14(3), 188-216.
- Chang, H.-J. (2011). Institutions and economic development: theory, policy and history // *Journal of Institutional Economics*, 7(4), 473-498.
- Chipkin, I., Swilling, M. et al. (2018). *Shadow State: The Politics of State Capture*. Johannesburg: Wits University Press.
- Cleaver, F. (2012). *Development through Bricolage: Rethinking Institutions for Natural Resources Management*. New York: Routledge.
- Cohen, B. and Winn, M. I. (2007). Market Imperfections, Opportunity and Sustainable Entrepreneurship // *Journal of Business Venturing*, 22(1), 29-49.
- Collet-Sabe, J. (2013). From total institution to extitution? Discussions on the future of monastic life in the Benedictine women's monasteries of Catalonia (Spain) // *Revista Internacional de Sociología*, 71(2), 335-356.
- David P.A. (2007) Path Dependence: a Foundational Concept for Historical Social Science // *Cliometrica*, vol. 1, no. 2, pp. 91-114.
- David, P. A. (1985). Clio and the Economics of QWERTY // *American Economic Review*, 75(2), 332-337.
- De Jong, M., Lalenis, K. and Mamadouh, V. (Eds.) (2002). *The Theory and Practice of Institutional Transplantation: Experiences with the Transfer of Policy Institutions*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
- Delbridge, R. and Edwards, T. (2013). Inhabiting Institutions: Critical Realist Refinements to Understanding Institutional Complexity and Change // *Organization Studies*, 34(7), 927-947.
- Demsetz, H. (1969). Information and Efficiency: Another Viewpoint // *Journal of Law and Economics*, 12(1), 1-22.
- Dequech, D. (2013). Economic institutions: explanations for conformity and room for deviation // *Journal of Institutional Economics*, 9(1), 81-108.
- Dobusch, L. and Kapeller, J. (2013). Breaking New Paths: Theory and Method in Path Dependence Research // *Schmalenbach Business Review*, 65(3), 288-311.
- Foldenyi L. (2016). *Melancholy*. New Haven; London: Yale University Press.
- Furton, G. and Martin, A. (2019). Beyond Market Failure and Government Failure // *Public Choice*, 178(1-2), 197-216.
- Gatete, C. and Dabat, M.-H. (2017). From the fuel versus food controversy to the institutional vacuum in biofuel policies: Evidence from West African countries // *Energy, Sustainability and Society*, 7(12), 1-16.
- Gradstein, M. (2008). Institutional Traps and Economic Growth // *International Economic Review*, 49(3), 1043-1066.
- Hellman, J. S., Jones, G. and Kaufmann, D. (2003). Seize the state, seize the day: State capture and influence in transition economies // *Journal of Comparative Economics*, 31(4), 751-773.
- Helmholz, R. H. (2016). The Myth of Magna Carta Revisited // *North Carolina Law Review*, 94(5), 1475-1493.
- Henly, S. J., Wyman, J. F. and Gaugler, J. E. (2011). Health trajectory research: a call to action for nursing science // *Nursing Research*, 60(3), 79-82.
- Herington, M. J. and van de Fliert, E. (2018). Positive Deviance in Theory and Practice: A Conceptual Review // *Deviant Behavior*, 39(5), 664-678.

Hillebrand, B., Driessen, P. H. and Koll, O. (2015). Stakeholder marketing: theoretical foundations and required capabilities // *Journal of the Academy of Marketing Science*, 43(4), 411-428.

Huysmans, J. (2016). Democratic curiosity in times of surveillance // *European Journal of International Security*, 1(1), 73-93.

Jamali, D. and Karam, S. (2018). Corporate Social Responsibility in Developing Countries as an Emerging Field of Study // *International Journal of Management Reviews*, 20(1), 32-61.

Johnson, B. and Lundvall, B.-A. (1992). Closing the institutional gap? // *Revue d'économie industrielle*, 59, 111-123.

Katz, L. (2018). Dark Dreams and Malign Creativity. *Knowledge Cultures*, 6(2), 64-75.

Khan, M. (1995). State Failure in Weak States: A Critique of New Institutional Explanations. In: Harriss, J., Hunter, J., Lewis, C. (Eds.). *The New Institutional Economics and Third World Development*. London: Routledge, 71-86.

Klimina, A. (2009). Toward an Evolutionary-Institutionalist Concept of State Capture: The Relevance of Kaleckian Analysis of Non-Equilibrium Dynamics // *Journal of Economic Issues*, 43(2), 371-380.

Laín-Entralgo, P. (1982). *El Diagnóstico Médico: Historia y Teoría*. Barcelona: Salvat.

Leeson, P. (2019). Logic is a harsh mistress: Welfare economics for economists // *Journal of Institutional Economics* (forthcoming).

Levitsky, S. and Way, L. A. (Eds.) (2010). *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*. New York: Cambridge University Press.

Liebowitz, S. J. and Margolis, S. E. (Eds.) (2014). *Path Dependence and Lock-In*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.

Magnusson, L. and Ottosson, J. (Eds.) (2009). *The Evolution of Path Dependence*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.

Mahoney, J. and Thelen, K. (Eds.) (2010). *Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power*. New York: Cambridge University Press.

Marcus, G. (2008). *Kluge: The haphazard evolution of the human mind*. Boston: Mariner Books.

Mauskopf, M. and Zajac, E. (2013). The Emergence and Persistence of Institutional Dissonance at the New York Philharmonic, 1842-1928 // *Academy of Management Proceedings*, 2013(1), 12015.

McHorney, C. A. (2000). Concepts and Measurement of Health Status and Health-Related Quality of Life. In: Albrecht, G. L., Fitzpatrick, R., Scrimshaw, S. C. (Eds.). *The SAGE Handbook of Social Studies in Health and Medicine*. London: SAGE Publications, 339-358.

Mehlum, H., Moene, K. and Torvik, R. (2006). Institutions and the resource curse // *The Economic Journal*, 116(508), 1-20.

Menaldo, V. (2016). *The Institutions Curse: Natural Resources, Politics, and Development*. New York: Cambridge University Press.

Merton, R. (1957). *Social Theory and Social Structure*. New York: Free Press.

Mezzich, J.E. et al. (2016). Person-Centered Integrative Diagnosis and Its Context / Mezzich, J. E., Salloum, I. M., Cloninger, C. R. and Botbol, M. In: Mezzich, J. E., Botbol, M., Christodoulou, G. N., Cloninger, C. R. and Salloum, I. M. (Eds.). *Person Centered Psychiatry*. Cham: Springer, 139-156.

Naville, E. (1871). *The Problem of Evil: Seven Lectures*. Edinburgh: T. & T. Clark.

Nelson, R. R. (2017). *Thinking About Technology Policy: «Market Failures» versus «Innovation systems»*. Working Paper IIPP WP 2017-02. London: Institute for Innovation and Public Purpose.

Nutzinger, H. G. (1982). The Economics of Property Rights – A New Paradigm in Social Science? In: Stegmüller, W., Balzer, W., Spohn, W. (Eds.). *Philosophy and Economics: Proceedings*, Munich, July 1981. Berlin: Springer, 169-190.

- O'Malley, M. A. (2009). Making Knowledge in Synthetic Biology: Design Meets Kludge // *Biological Theory*, 4(4), 378-389.
- Olson, M. (1982). *The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation and Social Rigidities*. New Haven: Yale University Press.
- Ostrom, E. (1992). *Crafting institutions for self-governing irrigation systems*. California: Institute for Contemporary Studies.
- Pappas, T. S. (2019). *Populism and Liberal Democracy: A Comparative and Theoretical Analysis*. Oxford: Oxford University Press.
- Petit, N. (2016). *Technology Giants, the Moligopoly Hypothesis and Holistic Competition: A Primer*. (October 20, 2016). <https://ssrn.com/abstract=2856502>.
- Pike, A. et al. (2015). Local institutions and local economic development: the Local Enterprise Partnerships in England, 2010 – / Pike, A., Marlow, D., McCarthy, A., O'Brien, P. and Tomaney, J. // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 8(2), 185-204.
- Polishchuk, L. (2012). Misuse of Institutions: Lessons from Transition. In: Roland, G. (Ed.). *Economies in Transition. Studies in Development Economics and Policy*. London: Palgrave Macmillan, 172-193.
- Polterovich, V. (2018). Institutional Trap. In: The New Palgrave Dictionary of Economics: Living Edition. London: Palgrave Macmillan. URL: https://link.springer.com/referenceworkentry/10.1057%2F978-1-349-95121-5_2717-1.
- Rahman, H. M. T. et al. (2017). A framework for analyzing institutional gaps in natural resource governance / Rahman, H. M. T., Saint Ville, A. S., Song, A. M., Po, J. Y. T., Berthet, E., Brammer, J. R., Brunet, N. D., Jayaprakash, L.G., Lowitt, K. N., Rastogi, A., Reed, G. and Hickey, G. M. // *International Journal of the Commons*, 11(2), 823-853.
- Reid, A. (2019). Copyright Policy as Catalyst and Barrier to Innovation and Free Expression // *Catholic University Law Review*, 68(1), 33-86.
- Richards, D., Smith, M. and Hay, C. (2014). Conclusion: Apres le Deluge? Crisis, Continuity and Change in UK Institutions. In: Richards, D., Smith, M. and Hay, C. (Eds.). *Institutional Crisis in 21st Century Britain*. New York: Palgrave Macmillan, 256-272.
- Rodrik, D. (2018). Is Populism Necessarily Bad Economics? // *AEA Papers and Proceedings*, 108, 196-199.
- Ross, M. L. (2015). What Have We Learned about the Resource Curse? // *Annual Review of Political Science*, 18(1), 239-259.
- Santagata, W. (1995). Institutional Anomalies in the Contemporary Art Market // *Journal of Cultural Economics*, 19(2), 187-197.
- Sassen, S. (2006). *Territory, authority, rights: from medieval to global assemblages*. Princeton: Princeton University Press.
- Schmidt, P. (2018). Market failure vs. system failure as a rationale for economic policy? A critique from an evolutionary perspective // *Journal of Evolutionary Economics*, 28(4), 785-803.
- Schreyögg, G. and Sydow, J. (Eds.) (2010). *The Hidden Dynamics of Path Dependence: Institutions and Organizations*. New York: Palgrave Macmillan.
- Senftleben, M. (2011). Overprotection and Protection Overlaps in Intellectual Property Law – the Need for Horizontal Fair Use Defences. In: Kur, A. and Mizaras, V. (Eds.). *The Structure of Intellectual Property Law: Can One Size Fit All?* Cheltenham: Edward Elgar, 136-181.
- Serres, M. (1994). *Atlas*. Paris: Julliard.
- Serres, M. (1995). *Genesis*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
- Shapiro, C. (2018). Antitrust in a time of populism // *International Journal of Industrial Organization*, 61(C), 714-748.
- Sholl, J. (2016). Contextualizing Medical Norms: Georges Canguilhem's Surnaturalism. In: Giroux, E. (Ed.). *Naturalism in the Philosophy of Health. History, Philosophy and Theory of the Life Sciences*. Cham: Springer, 81-100.

- Smyth, L. (2016). The Disorganized Family: Institutions, Practices and Normativity // *British Journal of Sociology*, 67(4), 678-696.
- Sokol, D. D. and Comerford, R. (2016). Antitrust and Regulating Big Data // *George Mason Law Review*, 23(5), 1129-1161.
- Spicer, A. (2010). Extituciones: The other side of institutions // *Ephemera*, 10(1), 25-39.
- Spooner, J. (2019). *Bankruptcy: The Case for Relief in an Economy of Debt*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Stucke, M. E. (2013). Is competition always good? // *Journal of Antitrust Enforcement*, 1(1), 162-197.
- Takechi, K. (2012). *Negative Effect of Intellectual Property Protection: The Unusual Suspects?* RIETI Discussion Paper 112-E-057. Tokyo: RIETI.
- Tirado, F. J. and Domenech, M. (1998). Sobre extituciones: reflexiones críticas para la psicología social de las instituciones // *Revista Universidad de Guadalajara*, 11, 43-51.
- Tirado, F. J. and Domenech, M. (2001). Extituciones: el poder y sus anatomías // *Política y Sociedad*, 36, 191-204.
- Tirado, F. J. and Mora, M. (2004). *Cyborgs y extituciones: nuevas formas para lo social*. Guadalajara: Universidad de Guadalajara.
- Tirado, F. and Maureira, M. (2016). De Objetos y Extituciones: nuevos operadores de lo social // *Oxímora: revista internacional de ética y política*, 8, 112-130.
- Townsend, D. M. and Hart, T. A. (2008). Perceived Institutional Ambiguity and the Choice of Organizational Form in Social Entrepreneurial Ventures // *Entrepreneurship Theory and Practice*, 32(4), 685-700.
- Tullock, G., Seldon, A. and Brady, G. (2002). *Government Failure: A Primer in Public Choice*. Washington: Cato Institute.
- Vadera, A. K., Pratt, M. G. and Mishra, P. (2013). Constructive Deviance in Organizations: Integrating and Moving Forward // *Journal of Management*, 39(5), 1221-1276.
- Vries, P. (2013). Does wealth entirely depend on inclusive institutions and pluralist politics? A review of Daron Acemoglu and James A. Robinson, Why nations fail // *Ensayos de Economía*, 23(43), 181-202.
- Widmer, E. D. (2016). *Family configurations. A Structural Approach to Family Diversity*. London: Routledge.
- Winiński, J. (2016). *Shortcut or Piecemeal: Economic Development Strategies and Structural Change*. Budapest; New York: Central European University Press.
- World Development Report 2017: Governance and the Law (2017). Washington: The World Bank.
- Wyler, D. and Haklay, M. (2018). Integrating citizen science into university. In: Hecker, S., Haklay, M., Bowser, A., Makuch, Z., Vogel, J. and Bonn, A. (Eds.). *Citizen Science: Innovation in Open Science, Society and Policy*. London: UCL Press, 168-182.